В.М.Константинов, И.Г.Лебедев

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О "ЗЕГЗИЦЕ" В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

"На Дунаи Ярославнынъ глас слышитъ, зегзицею незнаем рано кычетъ. "Полечу,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочу бебрян рукав в Каялъ рѣцѣ...".

"А Игорь князь поскочи горнастаем к тростію и бѣелым // гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босым влъкомъ, и потече к лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мыглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обьеду, и ужинѣ".

Чем дальше во времени отстоим мы от создания "Слова..." и других шедевров древнерусской литературы, тем сложнее удается понять, что скрывается за теми или иными названиями, метафорами и сравнениями. Человек конца XX в. создал для себя искусственный мир, в котором все меньше места остается для элементов естественной природы. Деревья и травы, птицы и звери утратили когда-то крайне значимую роль источников жизненноважной информации. Их место в жизни человека заняли телевидение, радио, продукция полиграфии, и живые организмы, особенности их экологии и поведения стали чуждыми для большинства наших современников в так называемых цивилизованных странах. Именно эта отчужденность и становится главной преградой на пути понимания произведений культуры, созданных многие столетия назад. Наш современник, воспринимающий природу, не в силах понять, как, например, могут, в буквальном смысле, "говорить" бессловесные животные и растения, или почему высокородный князь уподобляется в "Слове" вредному и опасному хищнику волку. Для объяснения этих "непонятостей" исследователи часто пытаются создавать замысловатые теории, объединяют несоединимое и разделяют неразделимое. Утрата культуры общения с природой, способности восприятия и понимания многих естественных природных явлений, к сожалению, остается важной причиной непонимания древних текстов.

В то же время знание особенностей экологии и поведения природных объектов, понимание закономерностей взаимоотношения их друг с другом, с человеком и с различными элементами окружающей среды, способны подсказать исследователю значение многих давно забытых понятий, помочь в понимании элементов древнего языка и фольклора, восприятия общества и природы древними авторами. Использование биологических знаний при изучении элементов древней

культуры, исследовательское движение от понимания особенностей жизни элементов природы к пониманию возникновения тех или иных фактов и явлений истории, литературы, фольклора позволяет получить интересные результаты и по новому взглянуть на, казалось-бы, хорошо знакомые понятия и явления.

Вопрос о том, что за птица скрывается за названием "зегзица" или "зогзица", остается открытым до настоящего времени. Исследователи памятников древнерусской литературы, и в частности, "Слова о полку Игореве..." бьются над расшифровкой этого загадочного слова уже не первое десятилетие. Все рассматривавшие этот вопрос исследователи едины в одном — "зегзица" это птица (это следует из контекста всех древних произведений, где она упомянута), но вот какая? Мнения о том, что за птица фигурирует под этим названием сильно расходятся. Одни исследователи считают "зегзицу" кукушкой (А.С.Орлов, Л.А.Булаховский, И.Д.Пидопличко), другие видят в ней чайку, пигалицу, или чибиса (Н.В.Шарлемань, В.А.Козырев). Н.А.Мещерский, присоединившись к такому мнению, подчеркивает, что текст "Слова..." "вызывает образ именно водяной птицы, чайки, низко летающей над речной поверхностью и задевающей ее крылом, а отнюдь не связывается с представлением об обитательнице лесов кукушке" (цит. по: Энциклопедия "Слова о полку Игореве". Т. II. С. 220). "Зегзицу" считали ласточкой и зимородком и другими видами птиц. Вряд-ли целесообразно перечислять всех представителей авифауны, предлагавшихся на роль загадочной "зегзицы" в различные времена и разными исследователями.

Для человека, мало знакомого с природой вообще и с авифауной Центральной России, в частности, текст "Слова..." и немногих других памятников древнерусской литературы, в которых упомянута "зегзица", не дают сколько-нибудь значимых признаков для идентификации этого названия. Более того, особенности отражения реальности Даниилом Заточником (XII—XIII в., и переписывавшими его "авторами") еще более запутывают дело. В то же время, некоторые, упомянутые в первоисточниках детали поведения "зегзиц", да и само это странное слово, при детальном рассмотрении могут дать известную "пищу для ума" и приоткрыть завесу над "тайной зегзицы".

Для начала следует упомянуть, что берега рек Центральной и Южной России, в древности (до зарегулирования) были на значительном протяжении представлены т.н. заливными лугами — низменными пространствами, заливавшимися водой в период половодья. Особенности гидрологии этих территорий не давали им зарастать лесом, и использовались людьми для сенокосов и выпаса скота в мирное время, а во время военных действий были удобным местом для развертывания войск.

Для этих низменных пойменных территорий характерен своеобразный комплекс авифауны, состоящий из сравнительно небольшого

числа видов птиц. Н.А.Мещерский несомненно прав, указывая, что именно среди видов обитателей заливных лугов и следует искать "зегзицу", на что собственно, указывали и исследователи процетированные выше.

Наиболее заметными представителями фауны птиц заливных лугов, для упомянутых территорий являются чайки — представители рода Larus, более мелкие и изящные крачки — Sterna, и чибис (Vanellus vanellus) — один из немногих видов куликов, распространенный на основной территории Европы и зимующий по всему побережью Северной Африки. К сожалению, существующая сегодня в славянских языках, синонимичность слов чайка и чибис требует разъяснений, так как синонимами обозначаются совершенно разные как в биологическом, так и в поведенческом аспектах, виды. Систематические различия между этими птицами определяются на уровне подотрядов Lari — чайки и Charadrii — кулики. Все упомянутые птицы имеют известную внешнюю схожесть, так как окрашены в темно-белую цветовую гамму и обитают в приречных биоценозах. Именно этим, возможно, объясняется то, что слабое знание птиц, привело к синонимизации их названий.

Однако имеющие некоторое внешнее сходство чайки, крачки, кулики, значительно различаются деталями морфологии, особенностями поведения и вокализаций. В частности, систематически близкие чайки и крачки имеют ровный стремительный полет, обеспечиваемый равномерными взмахами крыльев. Голос чаек и крачек схож и представляет собой резкие высокие скрипучие звуки, подобные "кррикрри-крри". Возможно, что название "крачка" возникло именно, как звукоподражательное пронзительному крику птиц.

Значительно отличается от полета и крика чаек полет и крик чибиса. Чибисы летят не прямолинейно, а, как говорят,— "увалисто", "зигзагообразно", как бы сваливаясь с прямого направления то в лево, то в право, резко меняя направление полета. Крайне своеобразен голос чибиса, который птицы подают во время полета. Крик чибисов представлен заунывными протяжными звуками, резко меняющимися по высоте. Больше всего крик птиц похож на плач или громкие безутешные рыданья. Голос птиц "Уыи-уыи-кыии", иногда передаваемый словами "Чьи-вы, чьи-вы!" на столько характерен и своеобразен, что знающему голоса птиц человеку его невозможно ассоциировать с чем-либо иным, кроме жалобных, горьких рыданий и спутать с голосом, какой-либо другой птицы.

Другим, важным для идентификации, элементов поведения, является реакция чибисов на "врага", находящегося в непосредственной близости от гнезда или птенцов. Стараясь напугать потенциально опасных для птиц хищников и людей летящие чибисы буквально "падают" на них, складывая крылья в полете и расправляя их у самой земли. Такие "падения" являются характерной чертой поведения

именно чибисов и практически мало характерны для других птиц, обитателей низменных лугов. Именно эту реакцию чибисов на распростертые на земле трупы людей, описывает автор "Задонщины", указывая, что "зегзици... на трупы падоша". Приведенное древним автором описание поведения "зегзиц" настолько характерно, что упомянутое здесь же "кокуванье" — явно является ошибкой, на которую правильно указывает Н.А.Мещерский. Возможно, эта ошибка возникла при переписываниях первоисточника, из-за созвучия названий "зегзица" и "зозуля", хотя очевидно, что слово "зозуля" является звукоподражательным, копирующим крик кукушки "ко-ку" или "зо-зу".

Таким образом, казалось-бы малозначительные указания на особенности поведения — полет с "рыданиями" вдоль реки, "падения" на распростертые на земле трупы однозначно определяют "зегзицу" как чибиса.

Подобные же результаты дали и наши исследования этимологии слова "зегзица". К сожалению, отечественные словари древнерусского языка, в частности словарь И.И.Срезневского, не дают значения этого слова. Этимологические словари А.Г.Преображенского и М.Фасмера, также не дают приемлемого объяснения происхождения этого слова.

В поисках объяснения возникновения слова "зегзица", мы обратили внимание на его схожесть со словом "зигзаг" в значении — ломаная линия, резкое изменение направления движения. Именно словом "зизаг" наиболее точно описывается особенность "увалистого" полета чибиса. Словом близким к "зигзаг" должны были бы назвать чибиса наши древние пращуры, желая выделить самую характерную черту этой птицы в природе. Однако, наше предположение не подтверждалось данными словарей славянских языков, которые либо не содержали слова "зигзаг", либо указывали на его происхождение от французского (!?) zigzag — ломаная линия. Такие же результаты дал анализ индо-арийских, индийских и тюркских словарей. Только в арабском языке, нам с помощью Валерия Даниловича Осипова (устное сообщение) удалось обнаружить слова близкие к "зигзаг" по звучанию и значению, в частности слово "zakzak". В данном случае использовался Арабско-русский словарь Х.К.Баранова (М., 1976). В.Д.Осипов отмечает, что данный словарь тяготеет к египетской литературной норме и является наиболее полным среди отечественных словарей. Звук "k" в приведенных словах, более твердый чем русское "к", и может быть передан как "g", или "kg".

В данном словаре "**zakzak**" соответствует русским словам: **чибис, ржанка, зуек.**

Словарь Dictionnaire de poche arabe-francais (сост. Mitri Elias), передающий литературную и разговорную норму Египта переводит "**zakzak**" на французский, как "pluvier" — чибис, ржанка, зуек.

Кроме вышеизложенного необходимо добавить, что в дельтовой, низменной, пойменной части р. Нил существует город с названием аль(аз) Заказик, которое переводится как Чибис.

Зигзицею называют чибиса и не в столь отдаленных от нас районах. Оказалось, что так называют чибиса в некоторых областях Украины.

Эти наши небольшие исследования о возможном происхождении названия "зигзица" и сопоставление ее описания в "Слове о полку Игореве" с поведением чибиса (Vanellus vanellus) позволяют нам добавить некоторые новые сведения к давно ведущемуся спору среди специалистов.